

Когда то одна читательница моей книжки о геологической истории населения земли сказала, что можно придти в ужас при мысли о том, до какой степени мир живет и движется независимо от нас...

Я думаю, что, наоборот, в этом можно найти умиротворение душевное..

Владычица—земля! С бывалым умилением
И с нежностью любви склоняюсь над тобой.
Лес древний и река звучат мне юным пенем...
Все вечное и в них осталось со мной.

Н. Н. Яковлев.

П 26 / Мысль. — 1922. № 2. — 175.
8

НЕКРОЛОГИ.

Георгий Валентинович Плеханов.

Сошел в могилу среди революционных бурь мыслитель, которому, сочувствуя или негодуя, внимали все слои русского общества, мыслитель, имя которого всегда будет дорогим именован не только в рядах русского рабочего класса, но и в рядах мирового пролетариата. Нет такой области общественной и умственной жизни, которая была бы совершенно чужда Г. В. Плеханову. Основоположник российской социал-демократии, революционер практик, один из первых теоретиков философской мысли¹⁾ Маркса и Энгельса, экономист, социолог, критик и публицист, он везде сказал свое слово. После Энгельса Плеханов, по всей справедливости, является одним из наиболее крупных представителей теории Маркса. Вот почему философская мысль, а, в особенности, русская, не может обойти молчанием факт смерти Плеханова, но должна поставить вопрос, чем был для нее Г. В. Плеханов. Дать ответ на этот вопрос, значит подвергнуть рассмотрению философские идеи Плеханова.

Плеханов был марксистом. Но марксизм, взятый сам по себе за исходную точку зрения, при характеристике философских взглядов Плеханова, не может сообщить какую-либо определенность его философской концепции. По вопросу о философских взглядах самого Маркса и Энгельса, несмотря на их большую близость к материализму, существуют различные мнения. Одни, как Людвиг Штейн²⁾, заявляют, что Маркс был последовательным материалистом и связал судьбу своей теории с материализмом, другие, как Бенно Эрдман, хотя и соглашаются считать Маркса и Энгельса материалистами, тем не менее, не усматривают непосредственной связи между историческими и экономическими идеями марксизма и философской мыслью материализма³⁾.

Бенедетто Кроче даже полагает, что философский материализм марксизма своего рода façon de parler⁴⁾. Конрад Шмидт и Эдуард Бернштейн выдвигают лозунг: «Назад к Канту»⁵⁾. А. Л. Аксельрод⁶⁾ не находит ничего общего между марксизмом и кантианством. А. Луначарский соединяет марксизм с эмпирио-критицизмом и приветствует распространение этой точки зрения среди русских марксистов⁷⁾, а В. Ленин считает точку зрения

¹⁾ Польский социал-демократ Залевский оспаривает первенство Плеханова в изложении философских идей Маркса и приписывает его Лафаргу.

²⁾ L. Stein. «Die soziale Frage im Lichte d. Phil. Z. V. Auf. Stuttgart 1903, 3290, 291, 307.

³⁾ Benno Erdmann. «Die phil. Vorausset. d. m. G-fassung (Jahrb. f. Gesetzgebung, Verwal. u. Volksw. im. D. Reich, Leipzig, 1907, XXXI. j. Dritt Heft).

⁴⁾ Croce В. «Matérialisme h. et con. marx. Papis, 1901, 11.

⁵⁾ Э. Бернштейн утверждает: «...я многим обязан статье К. Шмидта в научном приложении к Vorwärts. На мой взгляд девиз «Назад к Канту» до известной степени приложим к теории социализма (Эд. Бернштейн, очер. из. ист. и т. соц.). Изд. 1902, с. 253.

⁶⁾ Н. Ленин. «Материализм и эмпирио-критицизм». Гос. Изд. 1920.

⁷⁾ Л. Аксельрод (Ортодокс). «Философские очерки». Изд. Др. и А. Мак. 1906.

Для М. И. М. 2287 К

эмпирио-критицизма для марксизма непримлемой¹⁾. Вопреки некоторым из вышеуказанных исследователей марксизма, считающих теорию Маркса и Энгельса об общественном развитии не связанной тесно с философскою мыслью материализма, Плеханов выступает с решительным заявлением о необходимой связи исторических и экономических идей Маркса с философским материализмом. «Выражаясь кратко», утверждает Плеханов, «марксизм есть современный материализм, представляющий собой в настоящее время высшую ступень развития того взгляда на мир, основы которого были заложены в древней Греции Демокритом, а отчасти и предшествовавшими Демокриту ионийскими мыслителями». («О. В. М. З.») Свои воззрения Маркс и Энгельс, согласно Г. В. Плеханову, развили в стройное материалистическое мировоззрение, и кто упускает из виду цельность его, как материалистического учения, имеющего своим предметом не только историю, но также и природу, тот рискует очень плохо понять даже и те отдельные стороны этого учения, которые почему-либо привлекают к себе его внимание. («От об. к. нап.» 481).

Философские идеи Плеханова дышат материализмом Фейербаха, натурализмом Спинозы, материализмом Маркса и Энгельса и диалектикой Гегеля. Г. В. Плеханов видит крупную заслугу Фейербаха перед философскою мыслью в решительной критике идеалистических систем и особенно существенным завоеванием философии считает правильное установление Фейербахом взаимоотношения между бытием и мышлением, которое сводится к положению: не бытие определяется мышлением, а мышление—бытием. Он отмечает большую близость воззрений Фейербаха к взглядам Спинозы. Вслед за Фейербахом, Плеханов полагает, что Спиноза в своей системе развил теологический материализм. Л. Фейербах, думает Плеханов, есть философ, в основных чертах повторивший Спинозу, но без того теологизма, который был свойствен философской мысли Спинозы («О. В. М.» 16).

Согласно Плеханову, все философское деяние Фейербаха сводится к изменению формулы Спинозы: «Deus sive Natura» в формулу: «aut Deus' aut Natura».

Отрицая обычное мнение, что Маркс и Энгельс нигде не изложили своих философских взглядов, Плеханов решительно утверждает, ссылаясь на работы последних, что основатели марксизма достаточно полно развили философские основы своей теории. («О. В. М. 6»). Основоположник российской социал-демократии находит тесное родство этих взглядов с воззрениями Фейербаха и Спинозы. «Даже тогда», говорит он, «когда Маркс и Энгельс перестали быть последователями Фейербаха, они не перестали разделять весьма значительную часть его взглядов». («О. В. М.» 31).

Идеи Фейербаха об отношении бытия к мышлению положены Марксом и Энгельсом в основу материалистического понимания истории. Даже критика Фейербаха, Маркс не редко развивает и дополняет его же мысли. Так, согласно Фейербаху, наше я познает объект, лишь подвергаясь его воздействию. По Марксу же наше я не только познает объект, подвергаясь его воздействию, но воздействует на него со своей стороны. («О. В. М.» 19). Даже на описании Марксом диалектики Гегеля, даже на нем, по словам Плеханова, сказались влияние Фейербаха. «Для Гегеля», говорит Маркс («Ниц. фил.» ч. 2 пр. I и 2) «логический процесс, превращающийся у него под именем идеи в самостоятельного субъекта есть Демиург действительности, которая составляет его внешнее проявление. Для меня же как раз наоборот, идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное». Эта характеристика, по мнению Плеханова, предполагает полное согласие с Фейербахом, антропологическая точка зрения которого всецело выражает материалистическую позицию. Как по вопросу о Гегелевской «идее», так и по вопросу об отношении мышления к бытию Маркс мог прийти к своим положениям не иначе, как при помощи философской мысли Фейербаха.

Столь значительное влияние Фейербаха, думает Плеханов, тем не менее несколько не умаляет величайших заслуг Маркса и Энгельса перед философией материализма. Появ

¹⁾ «Р. Авенарнус. Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского. Москва, 1905. Изд. Д—ор и А. Чар. стр. 177. А. Луначарский. «Полемические этюды». изд. журн. «Правда». 1905.

Развитие при посредстве Гегелевой диалектики, «поставив Гегелю диалектику на ноги», Маркс и Энгельс применили идеи философского материализма к истории и экономике, и в этом последнем заслуга перед наукой принадлежит почти исключительно трудам основателей марксизма. Итак, по словам Плеханова, философскими предпосылками марксизма служат идеи Спинозы, очищенные от теологизма при посредстве материализма Фейербаха и диалектики Гегеля, предоставившие материализму возможность постичь процессы развития. Материализм Плеханов определяет, как прямую противоположность идеализму. «Идеализм», говорит он, «стремится объяснить все явления природы, все свойства материи или иными свойствами духа. Материализм поступает как раз наоборот. Он старается объяснить психические явления тем или иными свойствами материи, той или другой организующей человеческого или вообще животного тела. Все те философы, в глазах которых первичным фактором является материя, принадлежат к лагерю материалистов, все те, которые считают таким фактором дух,—идеалисты». («К в. о. м. в. н. ист.» 3). Отличительной чертой современного материализма Плеханов считает его диалектический метод, который дает последнему возможность решить проблему развития. Затруднение материалистов XVIII-го века было именно в том, что они представляли себе явления, как застывшие, бессвязные, не способные перейти одно в другое образования. Преимущество диалектики заключается в том, что она дает возможность понять процессы развития в их взаимной связи. Материализм XVIII-го века приводил к фатализму. Решить проблему свободы и необходимости он был не в состоянии. Современный материализм, пользуясь завоеванием идеализма, в этом вопросе приходит к разрешению величайшей проблемы нашего духа.

Идеализм, по мнению Плеханова, есть изжитая форма философских построений. «Если бы Фейербах» думает Плеханов, «обладал теми сведениями, которые нам дает современная этнология, то он мог бы прибавить, что философский идеализм исторически происходит от анимизма, свойственного первобытным народам». («О. В. М.» 25). С различными видами идеалистических направлений Плеханов ведет самую решительную полемику. Трансцендентальный идеализм Канта, эмпириокритицизм Авенарнуса, философия Маха, по его словам, страдают солицизмом (Маха Г. В. Плеханов относит тоже к идеалистам?).

«Для философии Авенарнуса, как и для философии Маха вопрос о том, что Фихте называет «множественностью индивидуумов», есть главное затруднение, с которым она не может справиться иначе, как или признав материализм, или упершись в тупой переулок солицизма». («Плеханов, Пр. к Фр. Энгельсу» «Л. Фейербах», 6—7). Единственным выходом из этого положения, по словам Плеханова, является признание вещи в себе, как не зависящей от нас реальности, но в то же время нами познаваемой. («Плеханов, Пр. к Фр. Энгельсу», «Л. Фейербах» 118).

Основным недостатком философии Канта основоположник российской социал-демократии считает ее априоризм, благодаря чему Кант, по его мнению, не мог справиться с вопросами развития. Эти вопросы представляли для него непреодолимые трудности не только в области теоретической философии, но и в области этники. Объяснение этому Плеханов ищет в исторических условиях того времени. Идеал Канта, утверждает он, его «царство целей» был отвлеченным идеалом буржуазного общества, нормы которого представлялись Канту непререкаемыми явлениями «практического разума» («Пр. к Фр. Энгельсу» «Л. Фейербах» 125—128).

Идеализм, по мнению Плеханова, никак не может служить дополнением к философским основам теории Маркса и Энгельса. Всякое соединение Маркса с Кантом, Авенарнусом, Махом и др. идеалистами он считает произвольным¹⁾. («О. В. М.» 5 Плеханов. «Пр. Фр. Энгельсу» «Л. Фейербах» 11. «За 20 лет» Пред. к 2 изд.).

Философскими основами марксизма, по словам Плеханова, может быть только диалектический материализм. И стало быть, взгляды самого Плеханова можно охарактеризовать,

¹⁾ Интересно отметить, что сам Мах связывает себя со Спинозой, к-раго Плеханов так высоко ценит при обосновании марксизма. См. анализ ощущений. Пер. Кутяра. Изд. 2 с Скрипунтом, стр. 57.

как диалектический материализм. Но был ли последователен в своих воззрениях Г. В. Плеханов? На этот вопрос приходится ответить определенно отрицательно.

Если позволено нестрого следовать обычаю «De mortuis aut bene, aut nihil», то трудно вскрыть противоречия в философских взглядах Плеханова. В кратком обзоре его философских идей мы не можем подвергнуть подробному рассмотрению все те неясности его философской мысли, которые бросаются в глаза при чтении сочинений Плеханова. Тем не менее, нельзя удержаться, чтобы не выразить свое недоумение по некоторым вопросам.

При имманентной критике Канта непонятно, почему априоризм этого философа не согласим с процессом развития. Имманентная критика даже не может ставить Канту такого вопроса, так как априорные моменты опыта по Канту служат условием опыта, следовательно, условием самого процесса развития. Неясностью страдают рассуждения Плеханова о разрешении материализмом проблемы свободы и необходимости на почве философского идеализма XIX-го века с сохранением позиции материализма и монизма не впадая в эклектизм. Страдают туманностью замечания Плеханова о вещи в себе, как о чем то непознаваемом и, в то же самое время, познаваемом. Не очевидно ли, что одно утверждение исключает другое. Шаткость и неопределенность вносится Плехановым в его недостаточно развитые определения материализма и идеализма. Плеханов далеко не выясняет этих понятий, хотя не выяснение их вносит такую большую путаницу в философскую литературу, в частности в воззрения самого Плеханова, что более точное определение этих понятий является крайне необходимым.

Особенно являющимся противоречием страдают утверждения Плеханова в области этики. С одной стороны, как мы могли убедиться, принципы Кантовой этики, категорический императив и «царство целей» являются принципами буржуазной морали, а с другой стороны, в книге Плеханова «О войне» эти же самые принципы определяют поведение пролетариата и служат его путеводной звездой, являясь, стало быть, принципами пролетарской морали. В книге «О войне» Плеханов заявляет: «Я не кантонец и не люблю опираться на Канта, но когда речь заходит о «простых законах нравственности и права», нельзя иногда не вспоминать об авторе «Критики практического разума» (может ли кантонец говорить это?). И далее Плеханов приводит формулу нравственного закона Канта о личности, как самоцели. «Этой формулой», восклицает Плеханов, оправдывается во первых борьба пролетариата отдельных стран за свое освобождение от ига капитала, третирующего рабочих не как самоцель, а как средство и, в то же время, она содержит в себе основное правило «внешней политики» пролетариата. Ни один народ не должен рассматриваться другим народом, как средство, каждый народ должен рассматриваться, как самоцель. Другими словами, каждый народ имеет право на самоопределение.

При таком положении дела кажется туманным весь пафос и смысл борьбы Плеханова с идеализмом и особенно с Кантом. Материализм, по словам Плеханова, смог решить свою основную проблему о процессе развития и проблему о свободе и необходимости только на почве идеализма XIX-го века, следовательно, по крайней мере, в этом вопросе идеализм вступил в союз с материализмом. Принципы морали, открытые Кантом, по словам Плеханова, определяют всеповеление пролетариата в его борьбе против капитализма. Стало быть, они опять таки являются принципами выражающими буржуазную идеологию. Что остается после этого на долю материализма. Ведь, Кантова этика связана с его теоретической философией. И так, становится более чем непонятным, почему идеализм, по мнению Плеханова, не может служить дополнением к марксизму. И как понять то замечание, которое Плеханов делает в книге своей «За двадцать лет», где он заявляет, что соединять идеализм с материализмом есть тема охотников. Я не из их числа. (Пред. ко 2 изд.)?

Однако, мало вскрывать недочеты философской мысли автора, необходимо объяснить какие основания привели к этим недочетам как такой ортодоксальный марксист, как Плеханов мог впасть в такие противоречия сам с собою, (как он мог капитализировать перед идеализмом, ведя с ним жестокую борьбу. Недостаточная полнота и ясность мысли Плеханова, прежде всего, объясняется недостаточной разработанностью философских оснований в учении Маркса и Энгельса Плеханов сам утверждает, что целый ряд сочинений Маркса

должен быть отнесен к сочинениям идеалистическим. К таковым принадлежит и диссертация Маркса «*Differenz der demokritischen und epikureischen Naturphilosophie*» и ряд материалов «Из литературного наследия» самого Маркса. Стало-быть, колебания в философских воззрениях самого творца марксизма должны были сказаться и на системе предпосылок его теории («О. В. М.» 7—8). Известно, что Энгельс, деливший труды с Марксом, так определил происхождение марксизма: «Мы, немецкие социалисты гордимся тем, что происходим не только от Сен-Симона, Фурье и Оуена, но и от Канта, Фихте и Гегеля».

В самом деле, Плеханов ссылается на Маркса, говоря о «простых законах морали» («О войне», 50).

И понятно, Маркс и Энгельс не только произошли от Фейербаха и Гегеля, но были людьми своего века и неизбежно находились под влиянием всей философии XIX-го столетия, господствовавшей над умами. В. Виндельбанд в своем исследовании о немецкой философии XIX-го века в связи с духовной культурой отмечает, как лейт-мотив всего XIX-го столетия, выявление воли, выявления ее в различных областях жизни и науки¹⁾ Отвальд Шпенглер в своей книге «*Der Untergang d. Abendlandes*» подчеркивает этот момент в западно-европейской цивилизации. Шпенглер считает, что наиболее ярким выразителем этой стороны жизни в этике служит категорический императив Канта.

По словам Шпенглера, категорический императив выявляет характерную черту нашей эпохи, глубоко социалистической по своей природе. Мы—люди XIX-го столетия—желаем ли того или не желаем, знаем ли мы о том или не знаем, все являемся социалистами», стремимся переделать мир, противопоставить свою волю воле другого и природе. Лозунгом нашего времени служит: «человек должен, государство должно, общество должно» Категорический императив в этом смысле Шпенглер считает даже выражением высшей «тирании», называет его «принципом тираническим»²⁾. Этике Канта он противопоставляет этику Эпикура, бездейственную созерцательную, антисоциалистическую, мы бы сказали вместе с Каутским, и антиреволюционную³⁾.

Со Шпенглером во многом согласиться трудно, но в одном он прав. В том именно, что тенденции нашего века заключают в себе много социалистических моментов, и философские идеи Канта, Фихте и Гегеля, оказавшие могучее влияние на культуру XIX-го столетия, конечно, содержат в себе не мало социалистических устремлений. В своей книге «Кант и Маркс» Форлендер—представитель школы трансцендентального идеализма—утверждает даже, что Маркс был более близок к философии Канта, чем к философии Гегеля. Как бы дело ни стояло, одно несомненно, что идеи социалистов-марксистов и самых основателей марксизма находились под сильным влиянием различных направлений философской мысли, имеющих отношение к социалистическим идеям. И, быть может, именно по тому, что Плеханов был ортодоксальный марксист, он и отразил в своих философских воззрениях те противоречия, которые в той или иной мере заключены в трудах самих творцов этого учения.

Рассмотрев философские идеи Плеханова, постараемся ответить на вопрос, чем был для русской философской мысли Г. В. Плеханов. Плеханов был прежде всего проводником философских идей западно-европейской «мысли в широких массах», популяризатором этих идей, ставившим перед массами проблемы философской мысли. Среди течений русской философии Плеханов связывал себя с Герценом, Беллинским, Писаревым, Сеченовым и Чернышевским.

Плеханов уделял особенно много внимания в своей литературной деятельности Чернышевскому. Труд Плеханова о Н. Г. Чернышевском является одним из самых крупных и ценных исследований об этом мыслителе. Взгляды Чернышевского Плеханов ставит очень

¹⁾ В. Виндельбанд. «Философия в немец. духов. жизни XIX стр. Пер. Рубинштейн^а Изд. «Звено» М. 1910.

²⁾ O. Spindler. *Untergang d. Abendl.*, В. I. München 1921, s. 465, 466, 508.

³⁾ К. Каутский «Этика и материалистическое понимание истории». Пер. под ред. А. Луначарского, 1918 г., ст. 13. Изд. С. Р. и К. Д.

высоко. Он полагает, что Чернышевский, за немногими исключениями, стоял на правильной философской позиции («Н. Г. Черн.» 456).

Г. В. Плеханов полемизировал из русских эмпирио-критицистов и эмпирионистов с А. Богдановым, В. Базаровым, А. Дунаевским и др. и ближе всего стоял к Л. Аксерольду. Резко отрицательно Плеханов относился к воззрениям Л. Н. Толстого, полагая, что мораль Толстого, основанная на метафизике и чуждая реальной жизни, никак не может мириться с теорией Маркса и Энгельса. «Миросозерцание Маркса», утверждает Плеханов, «есть диалектический материализм, наоборот, Толстой не только идеалист, но всю свою жизнь был самым чистокровным метафизиком» (Нел. изд. «Социал-Демократ» №№ 19 и 20).

Особенно сильно подчеркивает Плеханов свое несогласие с Толстым по вопросу о непротвлении злу. Интересно отметить, что среди русских мыслителей, возражавших Л. Н. Толстому по этому вопросу, во многом в том же самом смысле полемизировал с ним Вл. Соловьев, указывая что война бывает при известных условиях реально-необходимой и становится не в противоречии с нравственным началом, а напротив служит выражением моральных требований¹⁾.

Философские произведения Плеханова так тесно связаны со всей его деятельностью, что отдельные замечания по тем или иным проблемам философской мысли можно найти в его различных статьях и произведениях исторического, социально-экономического, политического и полемического характера.

Более близкое отношение или даже непосредственное отношение к проблемам философии имеют следующие сочинения: «К вопросу о монистическом взгляде на историю», «Основные вопросы марксизма», «Предисловие и примечание к переводу соч. Энгельса», «Л. Фейербах», «Критика наших критиков». Сборник статей: «От обороны к нападению», «Н. Г. Чернышевский», Сборник статей «За двадцать лет», Geschichte d. Materialismus (Golbach-Gelvetius — Marx). «Предисловие» к книге Деборина «Введение в философию». Статьи в «Социал-демократе» и др.

Вл. Иоф.

¹⁾ Вл. Соловьев, собр. соч. Изд. «Общ. Пользы», т. VII, стр. 398.

Федор Дмитриевич Батюшков.

1857 — 1920.

Федор Дмитриевич принадлежит к числу благороднейших и образованнейших людей, с которыми мне довелось встретиться и вести совместную работу. Я познакомился с ним в 80-ых годах прошлого столетия и поддерживал дружественные отношения вплоть до его кончины.

Ф. Д. Батюшков происходил из древней и зажиточной дворянской семьи, которая дала своим детям отличное образование. Отец покойного занимал довольно высокое служебное положение—он умер в должности почетного опекуна в Ведомстве Императрицы Марии,—мать—Екатерина Федоровна, урожденная Озерова—блестала, как физическая, так и духовной красотой и имела сильнейшее нравственное влияние на всех детей.

Федор Дмитриевич среднее образование получил в первой Казанской гимназии, где в это время отец его был управляющим казенной палатой, высшее—в С.-Петербургском Университете, на филологическом факультете. К составу этого факультета в 80-ых годах принадлежали превосходные профессора—назову, для примера, два имени—Василий Григорьевич Васильевский и Александр Николаевич Веселовский. Веселовский оставил Федора Дмитриевича при Университете для приготовления к профессорскому званию, и последний вполне оправдал этот выбор. По окончании заграничной командировки, во время которой Батюшков слушал лекции знаменитого Гастона Париса, Федор Дмитриевич написал диссертацию „Спор души с телом в средневековой литературе“ (СПб. 1890) и получил степень магистра. Некоторое время покойный состоял лектором французского языка и доцентом французской литературы в С.-Петербургском университете и на Высших женских курсах, но его преподавательская деятельность была непродолжительной, и он покинул Университет по причинам, в обсуждение которых в настоящем случае нет оснований; достаточно сказать, что отношения Батюшкова со своим знаменитым учителем сложились неблагоприятно. Для Университета это было несомненной потерей, но вряд ли уход Батюшкова являлся потерей и для него самого, ибо он чувствовал какое то органическое отвращение к службе, между тем, должность профессора, при всей ее привлекательности, была все же видом государственной службы. Все попытки к привлечению Федора Дмитриевича на службу, которые неоднократно делались впоследствии, оканчивались неудачей. Так, напр., Куломзин, имевший в высших сферах большое влияние, старался привлечь Батюшкова на службу в Министерство Народного Просвещения, чтобы несколько освежить затхлую атмосферу этого ведомства; ему был предложен пост Петербургского попечителя, от которого он, однако, отказался, порекомендовав графа Ал. Бобринского. Неудачей же окончилась и попытка привлечь Федора Дмитриевича в Публичную Библиотеку,—казалось бы, что занятия в этом учреждении должны были соответствовать его склонностям! В этом случае, впрочем, независимо от влечения Батюшкова к живой литературной работе, были, кажется, и другие неблагоприятно сложившиеся для него обстоятельства. Не служба нужна была Федору Дмитриевичу, а живая литературная работа и общение с писателями. Я не встречал человека, который в такой мере преклонялся бы перед писателями и с такою нежностью относился бы к литературным талантам,